

© 1996 г., ЭО, № 5

Н. В. Шлыгина

ФИНЛЯНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ФИННОВ-ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЮ ФИНЛЯНДИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Финские переселенцы появились на южном побережье Финского залива и Карельском перешейке преимущественно в XVII в., после Столбовского мира, когда эти земли под названием Ингрии, или Ингерманландии, отошли шведам. Большинство переселенцев были выходцами из восточных районов Финляндии. Они остались здесь и после возвращения указанных земель России. В литературе жители Ингерманландии известны как ингерманландские, или петербургские (позже — ленинградские), финны.

В послереволюционный период в жизни этого населения было немало трагических событий, связанных с их выселением из родных мест обитания. В 1929—1930 гг., в ходе раскулачивания, значительные группы финнов были переселены в различные регионы Советского Союза. Вторично массовое выселение проводилось в середине 1930-х годов в целях «очищения» приграничных районов от «неблагонадежных элементов».

В годы Отечественной войны часть финского населения Ленинградской обл. была интернирована во внутренние регионы Союза. Те же финны, которые оказались на оккупированной территории, были вывезены в Эстонию и Финляндию. По условиям перемирия, подписанного между СССР и Финляндией в сентябре 1944 г., последняя обязывалась вернуть в Советский Союз всех находящихся на ее территории советских граждан, в том числе и ингерманландских финнов. По возвращении в Союз финны, однако, не получили права вернуться в родные места и были расселены в различных регионах страны.

В наши дни, когда российские, или ингерманландские, финны отнесены к числу реабилитированных народов, идет, хотя и не без трудностей, процесс их возвращения на старые места обитания. Правда, число желающих поселиться там не так и велико.

В наши дни наряду с практическими задачами, связанными с положением ингерманландских финнов, включая проблемы культурного строительства, оживился интерес к их традиционной культуре и истории. Отечественные историки только теперь смогут дать соответствующий обзор судеб ингерманландских финнов, так как ранее все материалы, касавшиеся упомянутых депортаций, были закрыты для ученых.

Кроме того, есть одна проблема, которая мало известна нашим исследователям и широкой общественности, хотя она довольно детально разработана финскими специалистами. Это история о том, как происходило переселение финского населения с оккупированных земель Ленинградской обл. в годы Отечественной войны. Стоит оговориться, что и в Финляндии архивные материалы, касающиеся данного вопроса, до недавнего времени были засекречены. Первые работы на эту тему появились еще в 1960-е годы, но они рассматривали вопрос лишь в общих чертах¹.

В конце же 1980-х годов появились исследования, написанные на основе архивных данных и представляющие для нас несомненный интерес. Это работы Э. Туули «Скитания ингерманландцев» и П. Невалайнена «Ингерские переселенцы в Финляндии в 1940-е годы»². Указанные исследования, на наш взгляд, не получили в России должного отклика, что, может быть, связано с малым распространением финского языка в среде отечественных историков.

Мы не ставим перед собой задачи критического рассмотрения этих работ, хотя при чтении книги Невалайнена, на которую мы в основном опираемся, возникают определенные возражения и несогласия с позицией автора. Но в данном случае нам представляется более существенным прореферировать некоторые разделы этой работы. Она с достаточной четкостью показывает, насколько беззащитен простой народ перед той самой «колесницей истории», под которую он попадает, и сколь мало его судьбы волнуют власть имущих. Стоит упомянуть, что П. Невалайнен проработаны обширные архивные материалы, в том числе хранящиеся в Центральном государственном архиве Финляндии, включая секретные фонды министерства внутренних дел, данные Военного архива, частные фонды ряда политических деятелей (например, президента Ристо Рюти), материалы муниципальных архивов страны, а также привлечен ряд данных из архивов Германии, например, архив Государственного министерства по восточным оккупированным территориям, фонды рейхсфюрера СС и шефа германской полиции.

К числу мало известных у нас фактов относится, вероятно, тот, что идея депортации финноязычного населения с оккупированных гитлеровскими войсками земель Ленинградской обл. была изначально, еще в 1941 г., выдвинута немцами.

По одному из многочисленных проектов, которые создавались германскими властями в начале войны, граница между «третейшим рейхом» и союзной Финляндией должна была пройти после окончания войны по р. Неве. Правда, оставалось неясным, что делать с самим Ленинградом: то ли стереть его с лица земли, то ли сделать из него открытый город³.

В отношении же тех земель Ленинградской обл., которые по этому проекту отходили немцам, была предусмотрена акция превращения их в немецкую колонию (Siedlungsmark Ingermanland). Здесь должны были поселиться примерно 350 тыс. человек из числа «политически благонадежных» — членов СС и крестьян, входящих в Союз самообороны. Исходя из этого, Гиммлеру представлялось целесообразным переселить «родню» своих северных союзников в Финляндию или Карелию.

В Финляндии, естественно, имелись свои планы относительно будущих новых границ страны. Не следует забывать, что идеи «Великой Финляндии» были еще достаточно живучи. Одни считали, что после войны к Финляндии должна быть присоединена Карелия, другие полагали, что границы будут расширены до тех, что были установлены в XVII в. по Столбовскому миру, т. е. будет присоединена и Ленинградская обл.

Но если эти планы разрабатывались в основном «Ингерманландским союзом» (Inkerin Liitto), состоявшим из ингерманландских эмигрантов, а также специально созданной организацией надзора за делами Ингрии (Inkeriläisten Yhdistys), то правительство Финляндии не торопилось реагировать на данные «инициативы».

Однако существовали проблемы, связанные с судьбами ингерманландских финнов, и в период военных действий.

При наступлении фашистских войск на Ленинград советским властям удалось эвакуировать в тыл с территории Ленинградской обл. лишь около трети ее населения. Остальные же остались непосредственно в зоне военных действий. К тому же уже с осени 1941 г. часть мирного населения области страдала от голода. Именно в ноябре 1941 г. германские оккупационные власти предложили Финляндии принять примерно 50 тыс. их «соплеменников», чтобы очистить театр военных действий от «цивильного» населения (с. 39, здесь и далее страницы по книге Невалайнена). Финны, однако, отказались от этого предложения, ссылаясь на невозможность обеспечить переселенцев продовольствием, поскольку у них в стране уже ощущался его недостаток.

В это время немецкие власти вывезли из Ленинградской обл. примерно 12 тыс. человек в Эстонию, где они были в основном распределены по крестьянским хозяйствам в качестве батраков.

Финляндия же в тот период обсуждала возможность переселения ингерманландских финнов в Карелию, значительная часть которой была занята финскими войсками. Этот проект представлялся весьма перспективным для тех кругов, которые видели Карелию в будущем в составе Финляндии, выполняющей при этом роль «зоны безопасности», т. е. Карелии предстояло защищать ее от Советского Союза. Согласно этим планам, Карелию следовало заранее «очистить» от неблагонадежных групп населения, в первую очередь, от русских, которых уже начали собирать в лагеря для интернированных, с тем чтобы позже вывезти их за пределы Финляндии, например, на Украину или в Сибирь (с. 98—99).

С точки зрения военного командования Финляндии, в Карелию из Ленинградской обл. можно было направить прежде всего лиц из числа советских военнопленных, которые владели финским языком и по антропологическим признакам относились к «северной расе» (с. 100). Однако местное военное командование в Карелии без большого энтузиазма отнеслось к этим проектам, полагая, что военнопленные могут оказаться политически неблагонадежными. В итоге большая часть военнопленных ингерманландцев была включена в состав финляндской армии как 3-й «родоплеменной» батальон.

Та часть проекта, по которому предполагалось мирное население Ингрии вывезти в Карелию, а живущих там русских переселить на оккупированные немцами земли, осталась неосуществленной. Эту операцию предполагалось производить в тот период, когда южная часть Ладожского шоссе окажется в руках немцев. Этого, однако, вообще не произошло. Кроме того, финляндское министерство иностранных дел выступило с заявлением, что подобное переселение русских из Карелии будет нарушением Гаагских соглашений, так как оно не вызвано военными условиями. Специалист министерства по международному праву Э. Кастрен подчеркнул, что подобная акция может вызвать негативную реакцию со стороны «третьих держав», которые вряд ли поверят в добровольность подобных переселений (с. 103).

Таким образом, идея переселения финнов-ингерманландцев с оккупированной немцами территории на какое-то время была оставлена, но к концу 1942 г. она опять оказалась на повестке дня. Теперь речь велась лишь о спасении жизни соплеменников. Но за этим стояла и другая, более реальная причина: Финляндия в это время начала испытывать острую нехватку в рабочих руках в связи с оттоком мужского работоспособного населения в армию.

По данным статистики, к началу 1943 г. страна нуждалась в 250 тыс. рабочих рук. Германские власти не обманывались насчет того, почему финляндская сторона решила пересмотреть вопрос о переселении ингерманландских финнов на территорию своей страны. В феврале 1943 г. немцы сообщили союзникам, что могут направить им 12 тыс. ленинградских финнов, из которых 8 тыс. человек составляют трудоспособное население (с. 45). Это было относительно небольшое число людей, потому что немцы и сами нуждались в рабочей силе на оккупированных землях для работ по расчистке и ремонту дорог и т. п.

Переговоры о проведении этой акции происходили в Таллине, куда была направлена специальная комиссия из Хельсинки, подкрепленная группой из «Валпо» — полиции по делам внутренней безопасности. Последняя должна была заниматься проверкой политической благонадежности переселенцев и

выяснением их отношения к переезду. С германской стороны к вопросам переселения были подключены также гестапо и полиция безопасности (Sicherheitspolizei). Судя по всему, переговоры шли нелегко. Возглавлявший финляндскую комиссию Вилхо Хеланен был, по мнению финнов, «твердым орешком» для немцев, так как считался одним из ярых борцов за судьбы ингерманландских финнов. Немцы же просто называли его «фанатическим шовинистом» (с. 46).

Официально было установлено, что переселение будет происходить только на добровольной основе. Желаям выехать в Финляндию следовало собираться в организованных на местах пунктах эвакуации, откуда их должны были перевезти в Эстонию, в переселенческий лагерь в Клоога, что в 40 км от Таллина. Здесь предстояло оформлять бумаги на выезд. В Клоога же люди проходили медицинский карантин. Для оформления бумаг следовало подписать анкету-заявление, в которой значилось, что выезд происходит по доброй воле человека.

В декларациях Финляндии, которые получали отъезжавшие на «историческую родину», гарантировалось получение работы в привычной сфере труда и с оплатой по существующим нормам, совместное поселение семей, а также обучение детей в финских школах. Можно добавить, что подписываемая анкета содержала рассуждение о том, что финны-ингерманландцы разобщены, так как одна их часть освобождена немцами от советского ига, а другая живет еще в условиях террора большевиков.

Но в ней не нашел отражения пункт, содержавшийся в подписанном между немцами и финской стороной соглашении: добровольные переселенцы в Финляндию навсегда теряли право на свое прежнее место жительства (с. 50). Основа соглашения была подготовлена немецким министерством иностранных дел. Видимо, и в 1943 г. планы германских верхов относительно земель на южном побережье Финского залива не изменились.

О том, что переселенцы покидают родной край навсегда, не знали не только они сами, но и те финны, среди которых им предстояло жить. Вероятно, не в курсе дела были и те чиновники, которые должны были заниматься размещением переселенцев в Финляндии.

Насколько добровольно уезжали в Финляндию первые группы переселенцев, сказать трудно. Можно полагать, что у них не было большого выбора. Во многих местностях они не только голодали, но и месяцами не могли вылезти из погребов и земляных щелей из-за постоянных обстрелов. Надежды остаться в живых и сохранить жизнь своим детям у них было немного.

Тем не менее первые группы выезжали в Эстонию относительно спокойно. Им удалось даже отправить какой-то багаж, что-то продать, получив за это квитанции о причитающихся им деньгах в немецких марках. Предполагалось, что деньги они получат в Финляндии.

Ситуация резко изменилась после прорыва ленинградской блокады и начала наступления советских войск на территории Ленинградской обл. В сентябре 1943 г. германское командование издало приказ о «выжженной земле»: все имущественные ценности при отступлении немецких войск уничтожались, население должно было уходить вместе с немцами.

В октябре 1943 г. германское командование сообщило финляндской стороне, что ей предстоит принять примерно 35 тыс. переселенцев, причем в их числе значились и воев, и ижора. Русское население также стонялось с оставляемых немецкими войсками мест, и ему предлагалось идти пешком в Литву (с. 53). Тот факт, что немцы отступали, рождал у местных жителей желание оставаться в родных местах. Но уклониться от эвакуации удалось очень немногим. За прямой отказ покинуть свои поселения людей расстреливали на месте (с. 50).

Часть православного финноязычного населения, т. е. из числа воев и ижоры, предпочла не уезжать в Финляндию, а идти пешком с русскими на юг, в направлении Литвы.

Эвакуация ингерманландских финнов в это время утратила организованный характер. В Клоога невозможно было создать в короткие сроки достаточно мест для прибывшей массы людей. Для жилья приходилось устанавливать картонные палатки, но и их не хватало — многие жили под открытым небом. О каких-либо санитарных нормах вообще не приходилось говорить. Не было времени и оформлять выездные документы. Для многих это пришлось делать уже в Финляндии. Там было создано четыре приемных и несколько карантинных лагерей. Для работы с переселенцами создали сложную бюрократическую машину. Продолжала свою деятельность и «Валпо», выявлявшая среди прибывших прокоммунистические элементы и следившая за настроениями среди переселенцев. Особо подозрительными считались люди, состоящие в браке с русскими.

Несмотря на спешку и неожиданный массовый наплыв переселенцев, финны сумели обеспечить кров всем, причем это были отапливаемые помещения, а именно клубные здания, рабочие бараки, молитвенные дома и т. п. Конечно, размещенные жили в крайней тесноте. Часто приходилось спать просто на многоярусных нарах из голых досок. Не всегда поддерживалась и должная гигиена: возможности для мытья имелись, но у многих отсутствовало сменное белье.

Питание было сносным, оказывалась и медицинская помощь. Однако проблемы с обустройством переселенцев после прохождения карантина оставались в целом неясными. Людей грузили в поезда и развозили в разные части страны, преимущественно на крупные железнодорожные узлы. На местах делались об этом предварительные объявления. Крестьяне из окрестных селений могли приезжать на железнодорожные станции и набирать себе в хозяйства работников из числа прибывших лиц.

Других возможностей ингерманландцам практически не предоставлялось. При этом они не могли действовать самостоятельно. У них не было паспортов, а имелся только документ, дававший право на временное проживание в стране на правах иностранца. Этим они отличались не только от населения тех мест, куда их привозили, но и от финских переселенцев из восточных частей страны, которых эвакуировали из прифронтовой зоны. Последние имели финляндское гражданство и совершенно иные права. К тому же они могли привезти часть имущества и имели свободу передвижения.

Переселенцы из Ленинградской обл. не имели права селиться в городах и поселках, а также в некоторых (шведскоязычных) сельских муниципалитетах. Так что оставалась единственная возможность — батрачить в крестьянских хозяйствах. Не могли заниматься рыболовством и рыбаки, которых было немало среди приезжих. Кроме того, среди прибывших около 25% имели специальное образование и на родине работали в промышленности. Таким образом, одно из основных обещаний финских властей — обеспечить людей работой в привычной им сфере труда — не было выполнено. Это вызывало недовольство среди переселенцев, особенно у молодого поколения.

Желающим предложили отправиться на север страны для обслуживания аэродромов Люфтваффе. Но добровольцев не нашлось (с. 140).

Существенным оказался и другой вопрос: как приняли переселенцев простые финны, народ, среди которого им предстояло жить. Напомним, что в течение двух десятилетий после подписания Тартуского договора определенными кругами финского общества, в частности активистами Академического карельского общества и деятелями Ингерманландского союза, культивировался образ «плачущей Ингрии, дочери Финляндии». Велись речи о том, что еще «взойдет солнце над той Ингрией, где не будет русских» (с. 22—24). Пропаганда эта шла и в годы войны, причем Ингрия рисовалась как будущий форпост против коммунизма.

Когда же ход истории привел к тому, что ингерманландские соплеменники оказались на финской земле, поборники идей Великой Финляндии стали изображать их страдальцами с терновыми венцами, которые надели им на головы коммунисты. Переселение ингерманландцев в Финляндию сравнивали с освобождением евреев из плена вавилонского (с. 200). Считалось также, что за счет переселенцев страна пополняется «чистопородными финнами», которые истосковались по истинной вере и способны стать опорой лютеранской церкви. Правда, из речей исчезли упоминания о необходимости сохранения самобытной культуры ингерманландцев. Напротив, их призывали влиться в единую финскую культуру (с. 201). Все эти заявления звучали в основном в залах, где слушателями были отнюдь не те финские крестьяне, которые принимали в свои дворы переселенцев.

Собранные Невалайненом материалы свидетельствуют скорее о негативном, чем позитивном отношении к переселенцам со стороны местных жителей. Не вызывал одобрения и сам факт их переселения в страну. В письмах, направленных крестьянами местным властям, можно найти, например, высказывания, что «сюда везут коммунистов из-за границы, хотя у нас и своих хватает» (с. 215). Говорилось и о том, что в стране хватает и своих голодных ртов. Выражалось сомнение, что переселенцы обладают любовью к труду и теми душевными качествами, которые позволили бы им когда-нибудь стать достойными гражданами страны.

Значительная часть отрицательных отзывов основывалась на предубеждениях, и во многих случаях первоначальная неприязнь в ходе общения исчезла. Наряду с этим с течением времени стали возникать конфликтные ситуации. С одной стороны, они объяснялись недовольством переселенцев своими жизненными условиями, с другой — жалобами крестьян на плохую работу батраков.

Последние были вполне обоснованы. Как уже говорилось, не все прибывшие ранее работали в сельском хозяйстве. Например, девушка, служившая счетоводом в своем колхозе, не справлялась с дойкой 12—15 коров, а тракторист не мог быстро косить косой. Характерен тот факт, что на тех немногих переселенцев, которые сумели преодолеть запреты и попасть на работу на промышленные предприятия, жалобы не поступали.

Переселенцы были разочарованы тем приемом, который они встретили. Им представлялось, что они будут иметь в Финляндии свой кров, а может быть и клочок земли. Правда, многие не строили никаких иллюзий и ехали, потому что у них не имелось выбора, но они верили, что их пребывание в Финляндии — дело временное. Переселенцы почувствовали и то, что их встретили не как «соплеменников», а как людей, с которыми страна воевала уже не первый год.

Прибывшие в Финляндию работали по 11—12, а иногда и по 16 час. в сутки, но труд их оплачивался крайне скудно. Часть переселенцев попала именно в те поместья и крупные крестьянские хозяйства, где нехватка рабочих рук была связана с плохими условиями труда, и местные батраки туда не шли (с. 217). В целом же к переселенцам относились как к людям второго сорта. Под жильем нередко отводили бани, курятники и просто сараи, где не было очага, так что переселенцы не могли приготовить себе еды. Часто они не получали никакой денежной оплаты, а довольствовались лишь кормежкой или продуктами.

Так или иначе переселенцы внесли свою немалую долю труда в хозяйство страны, когда она испытывала острую нехватку рабочей силы.

Нет смысла гадать, прижились бы или нет переселенцы в Финляндии, если бы их пребывание в стране оказалось более длительным. Все они пробыли в стране не более двух лет. По договору о перемирии, подписанном между Советским Союзом и Финляндией 19 сентября 1944 г., финская сторона должна была обеспечить возвращение в Союз всех советских граждан, находившихся на территории Финляндии. Безоговорочной выдаче подлежали все военнопленные и дети-сироты в возрасте до 16 лет. Для остальных возвращение предполагалось на добровольной основе.

Очень немногие из ингерманландских переселенцев успели за короткий срок обустроиться в Финляндии. Лишь единицам удалось приобрести в собственность клочок земли; некоторые вступили в брак с финскими гражданами.

Часть переселенцев имела все основания опасаться возвращения на родину, в частности, лица, служившие в финской армии. Деятели Ингерманландского союза старались помочь этим людям избежать возвращения: одним удалось оформить финляндское гражданство, других отправили в Швецию.

В целом на территории Финляндии осталось примерно 8 тыс. из 63 тыс. вывезенных туда ингерманландцев. С течением времени половина из них уехала за рубеж, некоторые даже в Латинскую Америку (с. 327).

Основная масса переселенцев, несмотря на то, что их пугали возможными репрессиям по возвращении в Союз, вернулась на родину. Известно, что эшелоны с возвращающимися ингерманландскими финнами прошли мимо мест их прежнего обитания — они были направлены в Подмоскowie, Калининскую, Ярославскую области и другие места. Переписи показали, что на территории Ленинградской обл. в 1980-е годы жила треть от общего числа ингерманландских финнов в СССР. Примерно такое же количество их проживало в Эстонии и Карелии.

Потери, как материальные, так и моральные, которые понес этот народ в военные годы, вряд ли можно оценить в каких-то единицах измерения.

Примечания

¹ Inkerin suomalaisen historia. Jyväskylä, 1969.

² Tuuli E. Inkerilaisten vauellus. Inkerilaisten vaeston siirto 1941—1945. Juva, 1988; Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Keuru, 1990.

³ Nevalainen P. Op. cit. P. 32.

© 1996 г., ЭО, № 5

Н. Э. М а с а н о в. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). Алматы; Москва, 1995. 317 с.

В шумной и недружной семье публикаций о кочевых народах произошло весьма существенное прибавление: вышел в свет новый труд известного казахского историка и этнографа Н. Э. Масанова, посвященный проблемам хозяйственной деятельности и социально-экономических отношений кочевых казахов в XVIII — начале XX вв., который несомненно станет заметной вехой в истории изучения кочевничества.

Как известно, структура хозяйства и особенно система социально-экономических отношений кочевников уже много десятилетий, начиная с 30-х годов нашего века, составляют в русскоязычной литературе предмет острейшей, крайне политизированной дискуссии. В ее ходе многие авторы пытались, хотя и разными путями, обосновать у кочевников наличие государственности, той или иной формы феодальных отношений.

В 60-х годах была предложена принципиально новая концепция, согласно которой общественный строй кочевников на всем пути их исторического развития определялся как особый «патриархально-кочевой» способ производства, несовместимый ни с развитыми классовыми феодальными отношениями, ни с государственностью¹.

В рассматриваемой книге ее автор по-своему развивает далее эту концепцию и, подвергая сокращительной критике взгляды сторонников наличия у кочевников феодализма и государственности, рисует затем на основе обильного фактического материала детальную, хотя и не во всем бесспорную, картину основ жизнедеятельности и социального строя кочевых казахов, уделяя при этом внимание и общим проблемам теории кочевничества.

Что касается источниковой базы, то тут, можно сказать, труд Н. Э. Масанова безупречен. Очень значителен архивный материал, многие публикации дореволюционных авторов, на которые ссылается исследователь, до сих пор не привлекались в научных работах. При этом использование свидетельств источников достаточно корректно, если не считать одной методической погрешности, а именно — привлечение в отдельных случаях относительно поздних данных конца XIX и начала XX в. для попыток обоснования ряда выводов о явлениях, связанных хронологически с более ранними этапами в истории кочевничества и, в частности, казахов. Сказать об этом необходимо, так как такого рода подход делает уязвимыми для критики некоторые, в целом весьма существенные, выводы автора.

Автор рецензируемой книги уже давно выделяется среди этнографов и историков, пишущих на русском языке, своим особым «эколого-историческим» подходом к исследованию кочевничества, что можно только приветствовать. Такой подход позволяет освободиться от ряда гипотез прошлого, сделанных на основе сухих умозрительных рассуждений, и дает возможность во многом по-новому посмотреть на различные аспекты хозяйственной деятельности кочевников. «Экологический» подход весьма широко представлен в трудах многих зарубежных авторов, изучавших кочевников, однако часто в чисто условном, формальном, оторванном от жизни виде, что лишает их выводы убедительности. Методика, используемая Н. Э. Масановым, в целом освобождена от этого недостатка, что хорошо видно из первых двух глав его книги: «Кочевничество и среда обитания» и «Природа и кочевое население Казахстана». В отношении этих глав достаточно сказать, что содержащиеся в них выводы имеют значительную научную ценность, и столь убедительно аргументированы, что практически открывают новую страницу в истории изучения кочевого скотоводства в русскоязычной литературе.

Самое отрадное впечатление производят историографические экскурсы и отношение Н. Э. Масанова к своим предшественникам, что выгодно отличает его от некоторых авторов новейших работ по кочевничеству, полагающих, очевидно, что замалчивание или искажение взглядов других ученых возвышают